

ПРИНЦИПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ГРАНИЦ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЭМОТИВНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Аббасова Ульвия Вагиф ызы
Бакинский Славянский Университет
u.abbasova@asoiu.edu.az

Аннотация: *Статья посвящена принципам установления границ положительной и отрицательной оценки эмотивности художественных текстов. Анализ научного, документального или художественного текста схематично являет собой переходы от материальных пространств линейной структуры к абстрактным и нелинейным пространствам. Это две полярные точки зрения на лингвистический анализ, соответственно отображающие разные пространственно-временные модели. Лингвистический подход к данной проблеме полярных по своим значениям оценок, по мнению некоторых современных русских, азербайджанских и европейских учёных, нередко базируется на логико-философских концепциях. Но отметим, что собственно лингвистический разбор имеет специфические особенности.*

Ключевые слова: положительная и отрицательная оценка эмотивности, художественный текст, перевод.

Açar sözlər: emotivliyin müsbət və mənfi qiymətləndirilməsi, bədii mətn, tərcümə.

Keywords: positive and negative assessment of emotivity, literary text, translation.

Анализ любого текста (научного, документального или художественного) схематично являет собой переходы от материальных пространств линейной структуры к абстрактным и нелинейным пространствам. Это две полярные точки зрения на лингвистический анализ, соответственно отображающие разные пространственно-временные модели. Вместе с тем, как указывает видный современный лингвист В. Лукин, их объединяет несколько признаков. Во-первых, принцип «денотата пространства», во-вторых, его тесная связь с архетипами национальной культуры, в-третьих, его сугубо эмоциональная сфера [5,192]. К сожалению, В.А. Лукин в своей работе не конкретизирует искомое понятие, однако, ключевое выражение «эмоциональная сфера», безусловно, наталкивает нас на мысль об эмотивном пространстве текста. Денотат же – это один из важных признаков, маркеров, или индикаторов текста. В. А. Лукин считает, что эти индикаторы могут свидетельствовать как о положительной, так и отрицательной оценки эмотивности художественных текстов. Лингвистический подход к проблеме полярных по своим значениям оценок, по мнению некоторых современных русских, азербайджанских и европейских учёных, нередко базируется на логико-философских концепциях. Но подмечено, что собственно лингвистический разбор имеет специфические особенности. Это тем более ярче выражается, если речь идёт о логико- философской категории разных оценок в двух языках, так как в них отражаются избирательные способы включения (или подключения) оценочных элементов в семантические системы неродственных языков. Нас в статье в первую очередь интересуют русский и английский.

Вопрос этот настолько сложен и неоднороден, что требует, на наш взгляд, хотя бы небольшого (в рамках статьи) экскурса в историю. Так, ещё в XIX столетии лингвист и социолог Дж. Мур сумел подвергнуть разумной критике отдельные положения тех теорий, в которых учёные безапелляционно заявляли о чётком делении на «собственно лучшее, хорошее», с одной стороны, и «не собственно лучшее, хорошее» - с другой. Критик считал, что суждения, которые включают в себя так называемые аксиологические предикаты (по линии хорошего – плохого), синтетичны, но не аналитичны. И пояснял: «В этом вопросе

лучше было бы прибиться к какому-нибудь одному берегу, так как выражение «хорошее или лучшее – это то, чего люди себе желают». Но это выражение вовсе не является полноценной положительной лексикографической интерпретацией» [6, 110-111]. Заметим в скобках: это суждение было высказано Муром в те годы, когда об эмотивности семантического поля как терминологии в текстах разных типах ещё и речи не было. Критическую мысль Дж. Мура далее органично развил другой известный западноевропейский учёный – Р. Хэар. В своих трудах он убедительно доказал, что разные оценки (или коннотации) требуют соответственно формулировки некоторых не схожих друг с другом исходных постулатов. Но их рассмотрение уведёт в сторону от цели настоящей статьи. Поэтому ограничимся в данном случае констатацией фактов. Важно отметить, что по следам этих и некоторых других учёных уже на рубеже XX-XXI веков проводили «шкалирование» различных оценок как определителя эмотивности художественных текстов, выделяя при этом отклонения оценок от нормы и принципы их регуляции. По каким же критериям следует выделять границы положительной, с одной стороны, и отрицательной – с другой оценки эмотивности художественных текстов

В нашей статье мы выделяем два типа объекта оценки: оцениваемый предмет и признак, по которому оценивается объект. Между двумя указанными типами объекта существует корреляция, и её изучение может быть полезным для дальнейшего изучения структуры оценки как сигнализатора эмотивных смыслов. Существо дела заключается в том, что для лингвистов определённый интерес представляет деление отдельных текстовых отрезков речи (например, описательных либо повествовательных фрагментов, содержащих эмотивные смыслы) на дескриптивные и оценочные рассуждения. Они же вкуче, в свою очередь, выражают обобщенно различные оценочные отношения к субъекту или объекту. При рассмотрении природы положительной или отрицательной оценки эмотивности текста в связи с её языковым выражением многие авторы непосредственно связывают категории оценки с основными функциями языка [см. Колшанский 1976, Тугаринов 1968 и другие]. При этом данная категория приобретает очень широкий характер и оказывается присущей чуть ли не любому языковому высказыванию. Следуя такой концепции, любая эмотивная информация, передаваемая одним из коммуникантов другому в конкретной обстановке общения, содержит не только сообщения о каких-то фактах, но и субъективную оценку этих фактов. А субъективность, как хорошо известно, в интересующих нас типах текстов есть прямое выражение модально-эмотивных смыслов. Будем считать это одним из важных принципов установления границ полярных оценок. В то же время отражение мира объективным мышлением всегда выявляет отношение познающего субъекта к познаваемым объектам, что, по сути дела, является оценочным отношением. Такой оценочный факт непременно содержит в себе также и эмоции как важную часть эмотивности семантического поля.

Любопытные, с нашей точки зрения, могут возникать сравнения, точнее, сопоставления в связи с вышеотмеченным. Например, видный лингвист Г.В. Колшанский предполагает наличие бинарности эмотивных смыслов, именно исходя из корреляции полярных (позитивной и негативной) оценок [4,99]. Это он считает также одним из принципов разграничения двух разных оценок. Так, он утверждает, что в предложении «Зима!» так же содержится оценка, как и в высказывании «Какой прекрасный день!». Солидаризуясь с этим положением, Г.В. Чернов считает, что «семантика положительной или отрицательной оценок говорящим высказываемой пропозиции всегда (явно или потенциально) присутствует в любом высказывании» [8,77]. Однако мы хотим прокомментировать мнение Колшанского и Чернова в соответствии с избранной нами темы статьи. Конечно, с этими исследователями можно согласиться и в том их рассуждении, что широкое определение понятия «оценка» в логико-философском плане вполне оправдано, но для подкрепления теории функционирования эмотивных смыслов с

помощью изучения оценки в языках оно оказывается слишком общим. Так, уже на интуитивном уровне вполне ясно, что приводимые Г.В.Колшанским высказывания «Зима!» и «Какой прекрасный день!» не идентичны с точки зрения способа выражения оценки и ее связи с семантикой языковых единиц, составляющих данные высказывания. В первом нет эмоции (не путать со знаменитым стихотворением А. Пушкина, в котором встречаешься с совокупностью эмоций). В приведённом назывном предложении существует полнейший отрыв от контекста. В нём нет также и соотношения интенциональности, эмоциональности и эмотивности. В самом высказывании «Зима!» прежде всего содержится простая констатация факта. (Скажем, реакция на сообщение в прогнозе погоды о резком понижении температуры) или выражается любое отношение к этому факту: будь то позитивное или негативное. В составе высказывания нет каких-либо оценочных слов, сигнализирующих о включении лексемы во фразовый эмотивный текст. Поэтому в изолированном употреблении этого слова соответственно нет и каких-либо оценочных семантических элементов, которые указывали бы на присутствие в содержании высказывания любой оценки или определяли бы её характер. Иначе обстоит дело в высказывании «Какой прекрасный день!», в составе которого есть слово «прекрасный», содержащее в своей семантике сему положительной оценки. Благодаря этому оценка в высказывании не только эксплицируется, но и имеет четко выраженный позитивный характер. Здесь можно уже говорить и о конкретных языковых средствах выражения оценки, что в предыдущем высказывании не имело смысла. Правильно на этот счёт фиксируют Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин, что в словах «чудесный, волшебный, прекрасный, добрый и т.д. обнаруживаешь разнообразие и подлинное богатство внешне схожих эмоций. Они же, в свою очередь, напрямую репрезентируются дифференциально-эмотивной либо категориально-эмотивной лексикой». [2,124]. А стержневым объединяющим эту лексику словом служит, по нашему представлению, «восхищение».

Всё сказанное выше, по нашему убеждению, имеет прямое отношение к некоторым принципам лингвистического анализа категории разной оценки. По-видимому, утверждение о возможности выражения оценки (в явной или неявной форме) в любом высказывании справедливо по отношению к художественным произведениям. Ведь в такого рода текстах, где эмоции порою зашкаливают и тем самым существенно способны расширить эмотивное пространство речи, существует множество прямых и косвенных способов выразить оценочное отношение к сообщаемому. Не пытаюсь, как говорится, «объять необъятное», в рамках статьи зафиксируем основное внимание только на минимизированном речевом отрезке контекстологических разновидностей эмотивных смыслов – фразовых. Например: «Ты могла бы раньше сказать мне об этом» - в высказывании ясно осуждается тот факт, что говорящий не был своевременно информирован. Или: «Зачем ты это сделал?» - говорящий отрицательно оценивает сделанное. Эксплицируется эмотивный смысл «сомнение». Далее: «Не беспокойся: он придет» – приход данного лица, напротив, здесь оценивается положительно. «Папа! Я так рад, что ты у меня есть!» - закричал Вахид. Из фразы, правда, в данном случае выхваченной из контекста, Вахид таким образом выражает благодарность (даёт положительную оценку) отцу за присутствие в его жизни. И т.п. Во всех подобных случаях нельзя указать каких-либо языковых средств, специально предназначенных для выражения оценки. Положительное или отрицательное отношение к сообщаемому выводится из всего эмотивного смысла высказывания или придаётся ему отдельной фразой, взятой из контекста, равно как и условиями общения. В других случаях в высказывании могут присутствовать определенные маркеры, указывающие на характер выводимой оценки, например: «Надеюсь, он завтра придет» - как правило, человек надеется на совершение события, которое он оценивает именно как положительное. «Боюсь, она не успеет взять эту книгу в библиотеке» - опасаются обычно событий, которые оцениваются

отрицательно. «Я хотел бы, чтобы ты была рядом» - очевидно, что человек, к близости к которому мы стремимся, получает положительную эмотивную оценку.

Но контекст всё равно при трёх приведённых вариантах играет важную роль. Как верно указывают вышеупомянутые Л. Бабенко и Ю. Казарин, «в случае извлечения эмотивной лексики и её рассмотрения вне текста, она даёт нам только самые поверхностные, то есть приблизительные представления о наборе позитивных или негативных оценок эмотивных смыслов. И в разно-системных языках (куда включаются русский и английский – примечание наше) они реализуются непосредственно в текстах в аспекте их однотипности или, напротив, разнотипности» [2,123]. Из этой формулировки следует, что в русском и английском контекстах любое слово может приобрести ту или иную эмотивно-оценочную характеристику. Например, в высказывании «Они ехали медленно» наречие «медленно» может быть простой констатацией факта, но в соответствующем контексте может давать и положительную оценку действия («и поэтому не виноваты в столкновении»), а порою приобретать также и отрицательную эмотивную оценочность. (Например: поэтому они и опоздали»). В русском и английском языках следует поэтому отличать использование в высказывании языковых средств, в семантике которых присутствует оценочный элемент, закрепившийся за ними в результате их регулярного употребления именно в оценочно-эмотивной функции. Например, в значениях таких слов, как русские «молодец, превосходный, восхищаться, негодьяй, никудышный, прощляпить» (англ. smart, magnificent, to admire, scoundrel, good-for-nothing, swine) и вне речевого контекста чётко осознаётся корреляция по типу положительной либо отрицательной оценок. И они, кстати сказать, занимают центральное место в их семантике. Подобные слова широко используются в художественной речи именно для придания им оценочного характера. Ср.: «Гусейн – шеф малого предприятия» (обычная констатация факта). «Гусейн – прекрасный во многих отношениях шеф малого предприятия» (положительная оценка). «Гусейн – никудышный шеф малого предприятия» (отрицательная оценка). В первом случае – нейтральная оценка. Затем мы привели две коннотативные по различной окраске.

Показательно, что лингвист В.Б. Апухтина относит такие слова к разряду «эмотивно-оценочных регулятивов». К некоторым из вышеприведённых, она, к примеру, присовокупляет: «Дурак, паразит, пузырь, недотёпа, с одной стороны, молодчина, верховодящий, отличник производства, сообразительный – с другой» [1, 77-78]. От себя мы добавим: во-первых, основным средством манифестации в указанных языках является такая эмотивно-коннотативная лексика, которая ярче всего обнажает межличностные или групповые отношения на двух полюсах оценок. Во-вторых, о существовании в семантике таких эмотивных слов оценочного компонента строго определенного характера свидетельствует их несовместимость с оценочными высказываниями, в которых выражается противоположная оценка. Ср. невозможность, вернее, алогичность или ироничность таких высказываний, как «Его часто хвалят как никудышного работника», «Этот превосходный актёр совсем не умеет играть на сцене» и т.п. Анти-логика, как мы знаем, отчасти допустима в литературе, но противоречит нормам и правилам в лингвистических исследованиях, как точной дисциплине. Небезынтересно также заметить, что в современной лексикографической литературе оценочный характер семантики слова даётся либо в словарной дефиниции, либо с помощью специальных оценочных помет, или посредством комбинации этих способов декодирования оценки. Например: «Sagacious» (дальновидный, проницательный) – showing a very good judgement. А если в значении «благоразумный» или «здравомыслящий», то «intelligence» или «common sense». Но сравним: prime – (apprec.) (use of meat, esp. beef) of the very best quality or kind. Таким образом, оценочное отношение в русском и английском языках может выражаться как в семантике языковых единиц, так и в содержании речевых высказываний. Отсюда следует,

что в лингвистическом плане категория оценки (в нашем случае – положительная или отрицательная) должна характеризоваться как семантико-коммуникативная. Для правильного декодирования коммуникативной интенции говорящего оценочный характер высказывания всегда должен быть эксплицитным, хотя он и может достигаться разными языковыми средствами. Однако в семантике языковых единиц эмотивная оценка может быть эксплицитной и имплицитной одновременно. Поясним. Некоторые лингвисты (А.Г. Баранов, Л.Г. Барлас, Е.М. Вольф, К.А. Долинин, А.Е. Супрун), говоря об эксплицитной эмотивной оценке, вводят понятие «нейтральная оценка». Она, по мнению названных учёных, в основном приписывается тем высказываниям, где отрицательная или положительная оценки явно не выражены. Эта оценка в узко-лингвистическом смысле.

За широкий подход к эмотивной оценке двух видов ратуют такие видные языковеды, как Г.В. Колшанский, Б.А. Маслов, С.В. Куликов, В.П. Григорьев, В.Н. Телия. Они считают, что эмотивная оценка в русском и английском языках, главным образом, выражается имплицитно. Они обосновывают это тем, что эмотивную оценку в текстах (прежде всего в художественных – примечание наше) следует изучать в трёх значениях. Точнее, в «оценочно-прагматическом, эмоционально-оценочном и одновременно модально-оценочном значениях» [7,55]. (Напоминаем: мы уже писали в статье о том, что, к примеру, Г.В. Колшанский – единомышленник Маслова, Куликова, Григорьева, Телия и других – в цитированной работе говорит об эмоционально-оценочном аспекте высказывания). Его он, в частности, рассматривает как важную часть единого рационального содержания высказывания, утверждая тем самым, что любая эмоциональная оценка должна пройти через фильтр сознания, прежде чем она будет выражена в языке. При этом Г.В. Колшанский попеременно употребляет термины собственно «эмотивное», «субъективное», «субъективно-модальное» «эмоциональное», «оценочное», «оценочно-эмоциональное», «эмоционально-оценочное», фактически не делая между ними различий. Такой обобщенный подход оказывается достаточным для целей работы Колшанского, поскольку в ней автор стремится доказать, что не только объективное в двух языках, но и субъективное носит обобщенный, понятийный характер. Кроме того, Г.В. Колшанский добавляет, что язык выражает индивидуальные переживания не непосредственно, а через посредство форм мышления. Однако если в задачу лингвистического исследования входит выявление и описание отдельных компонентов содержания высказывания или слова, то потребуются дальнейшая детализация субъективного аспекта и, в частности, вычленение собственно оценочного, в нашем случае – эмотивного компонента. А это, в свою очередь, приводит к необходимости более узкого собственно лингвистического определения понятия «оценка» как семантической категории, выражаемой специальными языковыми средствами, а, следовательно, присутствующей не в каждом высказывании. Итак, можно прийти к заключению, что мнения двух групп известных учёных кардинально расходятся. Но вот что привлекло наше особое внимание; в сложном лабиринте переплетающихся и пересекающихся между собою вариантов, большинство исследователей двух лагерей оказались на удивление единодушны в том, что узкое и широкое понимание оценочности как таковой отнюдь не противоречит расширению эмотивного пространства семантического поля, как в русском, так и в английском языках. Более того, все они в один голос утверждают, что узкое и широкое понимание оценочности есть по сути отражение принципов установления границ положительной и отрицательной оценки эмотивности художественных текстов.

Отсюда вытекает ещё один дискуссионный вопрос, которым мы хотели бы завершить настоящую статью: имеется ли связь между искомыми принципами и нормой оценочности? Выделяют ли её лингвисты при разборе эмотивных смыслов? Если да, то в какой пропорции? И т.д. Нам представляется, что, оценивая какой-нибудь объект или явление, человек всегда прямо или косвенно (то есть вольно или невольно), но сравнивает

его с другими объектами. Так что оценка носит, как правило, не абсолютный, а относительный характер. Ближе к теме выражения эмотивных смыслов отметим, что объект оценивается как «хороший» или «плохой» по отношению к другим таким же или аналогичным объектам. В результате возникает представление о некотором континууме или эмотивном пространстве некоторых объектов, у которых присутствует данный, то есть оцениваемый признак. Одна часть таких объектов оценивается по этому признаку положительно, а другая часть – отрицательно. Ставится вопрос: как влияют установленные учёными принципы границ разных оценок эмотивности текстов на их норму? Другими словами, между положительно и отрицательно оцениваемыми объектами могут быть какие-то ещё промежуточные случаи или между ними проходит абсолютная чёткая граница?

Оказывается, ряды объектов, обладающих одинаковыми признаками, могут выстраиваться и по норме, и по степени интенсификации или величины признака, и даже по иным параметрам его изменения. Все подобные шкалы изменения тесно связаны с понятием положительной либо отрицательной оценок. Ведь человек обычно не просто фиксирует изменения признака, но и воспринимает какое-то состояние объекта как обычное, «естественное» или «нормальное», а все прочие – как отклонения от нормы в лучшую или худшую сторону. (Психологически чаще всего, конечно же, - интуитивно в лучшую). Поэтому оценка непосредственно связана с нормативным или ненормативным статусом объекта. Нередко, например, положительная оценка может быть интерпретирована как утверждение: «Данный объект обладает таким-то качеством в такой-то степени, и это, оказывается, хорошо».

Насколько нам удалось установить, в XX столетии нередко писали о том, что положительное высказывание почти всегда оценивается сверх нормы, то есть её превышает. Исследования последних лет внесли некоторые коррективы в этот вопрос. Например, А.А. Богатырев в одной из своих работ установил, что «положительные оценки иногда получают и признаки, которые указывают на превышение норм. Скажем, «grandiose» или «stunning». Признаки, которые указывают на не достижение норм: «little»; «tiny» и другие. Признаки, которые соответствуют норме. Например: «positive»; «of quality» и другие. Более того, - продолжил свою мысль учёный, - бывают и такие случаи, когда за норму в английском языке признаются позитивные признаки. Например: righteous, decent, moral, honest, и другие» [3]. Отрадно заметить, что с мнением русского лингвиста А.Богатырева солидарен и видный современный азербайджанский учёный Эдисон Гаджиев [9].

Что же касается непосредственно выражения эмотивных смыслов, то некоторые признаки оцениваются говорящим в основном в связи со степенью его приятности, полезности или выгоды. Скажем, некий объект обладает такими положительными признаками, которые в идеале должны быть удовлетворительно восприняты как отдельными индивидуумами, так и обществом в целом. Но, оказывается, и на этом пути есть свои сложности. Дело в том, что анализ эмотивного пространства семантического поля в английском языке не подтверждает тезис о симметричности оценочных единиц. Принципиальная антонимичность оценочных понятий не зеркально отражается языке. И это не трудно доказать, так как далеко не у всех современных английских оценочных слов, например, имеются антонимы. Например: paragon - model of excellence, apparently perfect person or thing (плюс-оценка); slum - court, alley, or street of dirty crowded houses (минус-оценка). Аналогичными являются слова с минус-оценкой, типа antic, bootlicker, blackguard, brawl, lickspittle, parasite, pander, wretched и другие, а также слова с плюс-оценкой, типа sanctuary, ideal, intellect, не имеющие антонимов. Последние исследования русских, азербайджанских и европейских учёных показывают, что система оценочных слов принципиально асимметрична.

Литература

1. Апухтина В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста. М.Наука, 2007, 208 с.
- 2.Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Практикум. М.: Флинта-Наука, 2006, 496 с.
- 3.Богатырев А.А. Схемы динамического развертывания художественной интенции текста// Тверской лингвистический меридиан., 2009. - № 4. <http://university.tversu.ru>
- 4.Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975, 230 с.
- 5.Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., М.: Издательство Ось-89, 2005, 560 с.
- 6.Мур Дж. Э. Принципы этики. М.: Мысль, 1984, 279 с.
- 7.Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация: Виды наименований. М.: Мысль, 1987, с. 49-61.
- 8.Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987, 255 с.
- 9.Hajiyev Edison I. The Status of Particles in Modern English / International Journal of Computers. Issue 4, Volume 2, 2008. PP. 432-451.

**BƏDİİ MƏTNLƏRİN EMOTİVLİYİNİN MÜSBƏT VƏ MƏNFİ
QIYMƏTLƏNDİRİLMƏSİ SƏRHƏDLƏRİNİN MÜƏYYƏN EDİLMƏSİ PRİNSİPLƏRİ**

*Abbasova Ulviyyə Vaqif qızı
Xülasə*

Məqalə bədii mətnlərin emotivliyinin müsbət və mənfi qiymətləndirilməsi sərhədlərinin müəyyən edilməsi prinsiplərinə həsr olunmuşdur. Elmi, sənədli və ya bədii mətnin təhlili sxematik olaraq xətti strukturun maddi fəzalarından mücərrəd və qeyri-xətti məkanlara keçiddir. Bu, uyğun olaraq müxtəlif məkan-zaman modellərini əks etdirən linqvistik təhlil baxımından iki qütb nöqtəsidir. Bəzi müasir rus, Azərbaycan və Avropa alimlərinin fikrincə, bu problemə öz əhəmiyyətinə görə qütb olan qiymətlərə linqvistik yanaşma çox vaxt məntiqi-fəlsəfi konsepsiyalara əsaslanır. Lakin qeyd edək ki, faktiki olaraq linqvistik təhlil xüsusi xüsusiyyətlərə malikdir.

**PRINCIPLES OF ESTABLISHING THE BOUNDARIES OF POSITIVE AND
NEGATIVE EVALUATION OF THE EMOTIVITY OF LITERARY TEXTS**

*Abbasova Ulviya Vagif
Summary*

The article is devoted to the principles of establishing the boundaries of positive and negative evaluation of the emotivity of literary texts. The analysis of a scientific, documentary or artistic text schematically represents the transitions from material spaces of a linear structure to abstract and nonlinear spaces. These are two polar points of view on linguistic analysis, respectively displaying different spatio-temporal models. According to some modern Russian, Azerbaijani and European scientists, the linguistic approach to this problem of polar values is often based on logical and philosophical concepts. But we note that the actual linguistic analysis has specific features.

*Rəyçi: filologiya elmləri doktoru, professor Rafiq Manaf oğlu Novruzov
Bakı Slavyan Universitetinin Ümumi dilçilik kafedrasının 25 fevral 2021-ci il tarixli iclasın 06 sayılı protokolu
Daxil olma tarixi 14 aprel 2021-ci il*